

ляла что о еде, об острых приправах и требовала, чтобы даже в спальне у нее стояла миска с едой. Она до того растолстела, что стала просто безобразна. Но ум никогда ее не покидал. Ее мало кто навещал. Детей у нее отняли; ее дочь воспитывалась вместе с королевскими дочерьми.

Покойная Королева-мать со своей стороны не очень-то старалась ладить со своим супругом, она придиралась к нему по любому поводу. Однажды, когда он велел выпороть дофина, она воскликнула: «С вашими ублюдками вы бы так не поступили!».

— Что до моих ублюдков, — отвечал он, — мой сын всегда сможет их высечь, ежели они станут валять дурака; а вот его-то уж никто не выпорет».

Я слышал, будто Король дважды собственноручно высек дофина: один раз, когда тот возымел отвращение к некоему придворному, да такое, что в угоду ему пришлось выстрелить в этого дворянина из незаряженного пистолета для виду, словно его убивают; в другой раз за то, что дофин развозжид голову воробью; и поскольку Королева-мать рассердилась, Король сказал ей: «Сударыня, молитесь богу, чтобы я еще пожил; если меня не станет, он будет дурно обращаться с вами».

Кое-кто подозревал что Королева-мать причастна к смерти Короля: потому-то, мол, никто не видел показаний Равайана. Достоверно известно, что Король, когда Кончини (впоследствии маршал д'Анкр) отправился навстречу ему в Монсо, сказал: «Умри я, этот человек погубит мое государство».

Рассказывали только, будто Равайак так объяснял свое поведение: он де, понимая, что Король затевает большую войну и государство от этого пострадает, решил оказать великую услугу отечеству, избавив его от государя, который не желает сохранить в стране мир и к тому же не является добрым католиком.*

У этого Равайака борода была рыжая, а волосы чуть-чуть золотистые. В общем-то он был бездельник, который обращал на себя внимание лишь тем, что одевался скорее на фламандский манер, нежели на французский. Сбоку у него вечно болталась шпага; нрава он был унылого, но как себе-седняк приятел.

Генрих IV, как я уже говорил, отличался живым умом и добросердечием. Приведу несколько примеров.

В Ларошели среди простонародия прошел слух про некоего свечного мастера; он, мол, что называется, «охулки на руку не положит»: так обычно говорят про тех, кто ловко умеет вести свои дела. Генрих, бывший в ту пору лишь королем Наваррским, послал кого-то среди ночи купить свечу. Мастер встал с постели и продал свечу. «Видите, — сказал

* Те, кто хотел докопаться до причин смерти Короля, говорят, будто допрос Равайаку чинил президент Жавет в качестве государственного советника (он был председателем парламента в Гренобле) и Королева-мать избрала его как «своего человека». Говорили также, будто Коман упорствовала до самой смерти.